

У ветерана военной разведки Клавдии Александровны Милорадовой есть всё, чтобы считать себя счастливой: добрая, дружная семья, внучка и правнучка, сердечное, неформальное уважение московских властей. Её знают в столице, и не только потому, что она — боевая подруга Зои Космодемьянской. Судьба К.А. Милорадовой потрясает своей человеческой самоотверженностью, содержит в себе немалую частицу той Правды, из которой когда-нибудь сложится настоящая, подлинная история нашей Родины.

В Северном округе осталось совсем немного тех, кто, выполняя приказ Верховного Главнокомандующего, делал всё, чтобы у фашистов земля горела под ногами на каждой дороге, в каждом захваченном населенном пункте, на каждом мосту и железнодорожном перегоне. Их всех называли тогда партизанами, хотя одни сами покидали свои дома и уходили в лес, других посылало командование организованных с самого начала войны спецчастей, в частности, диверсионно-разведывательной партизанской части №9903, где прошла подготовку народная героиня, московская школьница Зоя Космодемьянская.

Кем была во время войны выпускница пединститута Клава Милорадова? Диверсантом, разведчицей. Осень жизни привела ее к заслуженному причалу, на долгожданный отдых в замечательный уголок Северного округа столицы, в окруженную садом девятиэтажку у ограды Храма Всех Святых. У ветерана военной разведки Клавдии Александровны Милорадовой есть всё, чтобы считать себя счастливой: добрая, дружная семья, внучка и правнучка, сердечное, неформальное уважение московских властей. Ее знают в столице, и не только потому, что она — боевая подруга Зои Космодемьянской. Судьба К.А. Милорадовой потрясает своей человеческой самоотверженностью, содержит в себе немалую частицу той Правды, из которой когда-нибудь сложится настоящая, подлинная история нашей Родины.

Итак, рассказывает Клавдия Александровна:

— В июне 41-го в Москве не было студентов в теперешнем понимании: все рвались на фронт. Но на фронт не брали, и молодежь пошла на заводы. С 1 июля я стала работать на 37-м заводе (ныне — завод им. Орджоникидзе на Преображенке). Была распределителем работ в термическом цехе, вечно бегала черная, грязная, как кочегар. Случалось, работали по 17 часов, спали там же. Ложишься на обтирочные тряпки и так сладко поспишь часов пять, а потом — снова работать. Октябрь. Кто-то пустил слух, что в Химки ворвался немецкий танк. А ведь так и было: один ошалелый танкист, имевший при себе билет на победный парад фашистов на Красной площади, въехал в самый центр Химок. В Москве началась паника. Враг был у

самых ворот Белокаменной. Волоколамск занят. Началась эвакуация нашего завода. Рабочие снимали станки, смазывали их солидолом, грузили на платформы и отправляли в Куйбышев. Мы получили подъемные и зарплату. Дали на дорогу продукты, эвакуационное свидетельство. Предупредили: завтра к вечеру быть на Казанском вокзале! И вот я иду домой с Преображенки в Сокольники. Среди домов — пусто, ветер разносит клочки бумаги, кругом грязь. Пустые окна смотрели, как живые: «И ты тоже бросаешь город?!». Села на скамью, расплакалась. Около меня находились двое мужчин, один другому говорит: «Я не эвакуируюсь! Только что был в райкоме, записали в ополчение!»

Я — бегом в райком, расположенный рядом с метро. Врываюсь в кабинет секретаря Гриши Коварского и говорю: «Давай путевку на фронт!».

— Ты откуда?

— С 37-го.

— Ты и повезешь завтра документы и учетные карточки в Куйбышев.

— Вези сам, — кричу. — Вот продукты, деньги. Забирай, мне не нужно, мне путевку давай!

Я не заметила, как вошел 1-й секретарь по военной работе Женька Ковальков: «Гриша, а ты дай ей то, что в столе. В самый раз будет!».

Григорий отодвигает ящик и протягивает мне запечатанный пакет: «Здесь путевка спецкомсомола. Завтра в 14.00 приходи в ЦК на комиссию».

27 октября нас принимали секретарь горкома комсомола Саша Шелепин и военные. Задавали каверзные вопросы, выспрашивали, сможем ли выдержать, если схватят, пытать будут?

На комиссию пришла и Зоя. Потом назначали следующий сбор в кинотеатре «Колизей» на Чистых прудах. В те дни Москву бомбили фашистские самолеты. Мы, 21 девушка и 2 юноши, отправились в часть на грузовике. Видели, как москвичи копали траншеи. Даже дети таскали мешочки с песком и складывали их, как кирпичи, сооружали укрепления.

В части началась учеба. Ускоренными темпами нас учили стрельбе по азимуту, взрывному делу, «снятию» часовых. Мы и холодным оружием научились владеть. Ох, и пригодилось же это! Первое задание выполняли под Волоколамском. На 3 дня в том же направлении ушла группа из 8 человек. При случае мы должны были с ними соединиться. Между станциями Дубосеково и Горюны перешли линию фронта. На 4-е сутки, в ночь с 6 на 7 ноября, приступили к выполнению задания. Минировали дорогу Шаховская — Князьи горы. Мы ставили совсем новые натяжные мины конструктора Старикова, взрывали мосты. Натянули провод на дороге, подстерегли мчавшегося фашистского мотоциклиста, свалили, взяли его полевую сумку. Вернулись в срок и

принесли в часть тяжелую весть: группа Пахомова, с которой мы должны были соединиться, приняла неравный бой на Волоколамском кладбище. Тяжелораненых, их схватили фашисты. После невероятных пыток все 8 были повешены в Волоколамске. Среди них — наши подруги: Женя Полтавская и Шура Грибкова, студентки художественного училища им. Калинина....

В ночь, когда Зоя ушла в Петрищево, где немцы расположили штаб межармейской радиосвязи, создававшей серьезные помехи предстоящему контрнаступлению советских войск, командир послал Лиду Булгину и меня в разведку. Мы отошли метров на 400 — засада! Стали уходить. Нас преследовали. Оторвавшись от фашистов, мы стали пробираться к линии фронта. В сумерках на краю деревни показались очертания артполка. Обходили осторожно, но вдруг прямо перед нами оказался незамеченный среди снежных сугробов немецкий блиндаж. Мы залегли. Время тянулось долго, пока мы с Лидой не поняли: блиндаж пуст! Потянули на себя тяжелую дверь — открыто! Одно мгновение, и мы проскользнули в темный провал, почти на ощупь собрали со стола папки с бумагами, пакеты. Выскочили! В темноте ровной стеной сыпался снег — нам на выручку! Без особых приключений перешли линию фронта, и вскоре часовой отвел нас в штаб нашей части. Мы доложили обстановку и отдали «трофеи». Разбудили нас рано, почему-то велели одеться в солдатское обмундирование. Приказ: «В машину!», и повезли в Перхушково, где находился штаб Западного фронта. Вводят в комнату: у карты — Г.К. Жуков, строгий такой, сосредоточенный. Приказал подробно рассказать, как добыли документы, а сам отмечал что-то на карте. Еще день, и мы поехали в Москву, к Сталину. Он встретил нас приветливо. После того, как мы повторили наш нехитрый рассказ, нас увели. Когда начальник разведотдела штаба Западного фронта Корнеев вручил нам с Лидой Булгиной по ордену Красной Звезды, я говорю: «Орден за какие-то смятые бумаги?!». Он засмеялся и по-хорошему так сказал: «Да мы по этим «бумажкам» контрнаступление начинаем!». Помню, нас после этого как подменили, и ночью мы обе не смыкали глаз. Тогда я поняла: самое дорогое для меня — Москва, и я смогла ей хоть чем-то помочь! Казалось, что сил во мне стало так много, что я смогу преодолеть самое трудное. Зою Космодемьянскую я больше не видела живую... Видела мертвую, но уже 3 февраля 1942 года. Мы ведь в нашей части, когда прочитали в «Правде» статью Петра Лидова «Таня», сразу же сказали своему командиру — майору А.К.Спрогису: «Это не Таня, это наша Зоя!» А потом он взял меня и бойца Бориса Крайнова на опознание. Комиссия была небольшой: Саша Шелепин — от МК ВЛКСМ, Зоина учительница из школы № 201 и одноклассник, были также жители села Петрищева, очевидцы трагедии.

Мы подошли к открытой могиле. Увидели сорванную с петель дверь, а на ней – труп. Исколотое штыками тело, срезанная грудь, ногти вырваны, на пальцах запеклась кровь, на шее – веревка. Подошёл врач: «Какие приметы помнишь?» А я молчу, – горло сжалось. Он меня тряхнул: «Ты боец или нет?». Собралась с духом, отвечаю: «На левой ноге через колено – шрам, это она ещё в детстве в Осиновых Гаях от быка спасалась и полезла через колючую проволоку». Чуть стянули чулок на окоченевшей ноге – тот самый шрам.

Опознание продолжалось, и никаких сомнений не было: это Зоя! А какое лицо у неё было – как у спокойно спящего человека. Зою было решено на время оставить там, в могиле.

Вскоре поднялась сильная метель, и обратный путь был нелегким – местным жителям даже пришлось расчищать дорогу. Двигались медленно. Молчали. И лишь время от времени мы слышали, как Зоина мама Любовь Тимофеевна (а она тоже присутствовала на опознании с младшим сыном Сашей) шепотом спрашивала: «Почему так тихо?» Да, замерли для неё все звуки на земле – от пережитого потрясения Любовь Тимофеевна почти утратила слух.

Зимой 42-го наш командир отобрал тех немногих девушек, которые вернулись с задания, и начал готовить их к серьёзному броску – в Белоруссию. Поступало к нам и подкрепление – по комсомольскому призыву под девизом: «Отомстим за Зою!».

А весной, 5 мая, поехали мы в Петрищево – надо было Зою похоронить как подобает. Мы понимали, что земля уже сильно подтаяла, и труп будет трудно обрядить. Инструктор ЦК ВЛКСМ Лида Сергеева взяла с собой несколько метров голубого крепдешина. Когда мы пеленали Зою в эту воздушную ткань, бабы петрищевские выли, криком кричали... Потом – кремация. Тяжело это было, ужасно.

В ночь с 14 на 15 мая мы вылетели на «глубокую усадку» в Белоруссию. С собой я взяла листовки со статьей Петра Лидова «Таня». Сколько белорусских лесных троп и болот прошли мои ноги, сколько перевидала я горя людского, сколько раз рисковала жизнью... А когда Красная Армия освободила Белоруссию, вернулась в Москву. Такая же молодая, энергичная, только глаза были уже не те: в них отразилась война. Выдали мне документ: инвалид II группы, без права работать. Тяжелая форма полиартрита. Сказалось то, что я порой по двое суток пряталась от фашистских облав в ледяной воде, с камышинкой в зубах.

Но надо было поднимать Москву. И когда понадобились кадры со знанием

русского языка, пришла налаживать работу в корректорской сети ТАСС. Одна за другой сменялись вёсны, и я вместе со всеми поздравляла фронтовиков с Днем Победы. Меня же и моих товарищей никто не поздравлял. Почему? Вы видите, что в моем удостоверении написано: «ветеран военной разведки». Надо было молчать.

Всё переменялось, когда в 60-е годы начался подъем поискового патриотического движения, и на всю страну прозвучали слова писателя Сергея Смирнова: «Никто не забыт и ничто не забыто!». Как-то в телепередаче «Орленок» выступал командир нашей диверсионно-разведывательной партизанской части А.К.Спрогис, пригласили и меня. Позже Артур Карлович признался, что на свой страх и риск решил рассказать во всеуслышание о моей боевой судьбе. Те, кто в это время работал на Центральном телевидении, конечно, помнят, что Л.И.Брежнев имел обыкновение внимательно смотреть многие телепередачи. По его указанию обо мне навели справки и приняли решение вручить мне наконец-то заслуженные ордена и медали, словом – рассекретить. И не только меня, а всех нас – боевых партизан и подпольщиков. В связи с этим Леонид Ильич лично позвонил мне – вот на эту самую квартиру, где я по сей день живу, и вскоре после этого звонка генеральный директор ТАСС С.Г.Лапин вручил мне орден Отечественной войны I степени – за борисовское подполье, медаль «За отвагу» – за партизанскую операцию под Оршей, медали «Партизан Великой Отечественной войны» и «За оборону Москвы».

Мои знакомые иногда удивляются – мол, очень поздно я стала сесть. А ведь это не так. Просто я решила стать такой же седовласой, какой была в молодости. Чуть больше двадцати мне было, когда я – русская секретарша фашиста-коменданта Орши – всем своим существом поняла, что мой шеф «прозрел» и до разоблачения и смерти моей – секунды... А когда прибежала к своим, поначалу не поняла, почему изумление и ужас отразились на их лицах. Седина! Знаете, это непостижимо трудно – зарезать человека, ведь финка – не пуля...

Помню, как мы с Зоей «снимали» фашистского мотоциклиста. Натянули через дорогу трос. Когда послышался нарастающий грохот мотора, я дрогнула. Но Зоя не дала мне отступить. Нежная, с певучим голосом, она в нужный момент становилась как из стали вылитая. Как она выдержала нечеловеческие муки? Как не выдала под пытками товарищей? Кто не понимает этого, знайте: человек всё сможет, если на душе у него – высокие помыслы!

Газета «Головинский объектив»,

спецвыпуск, май 2003 года.

